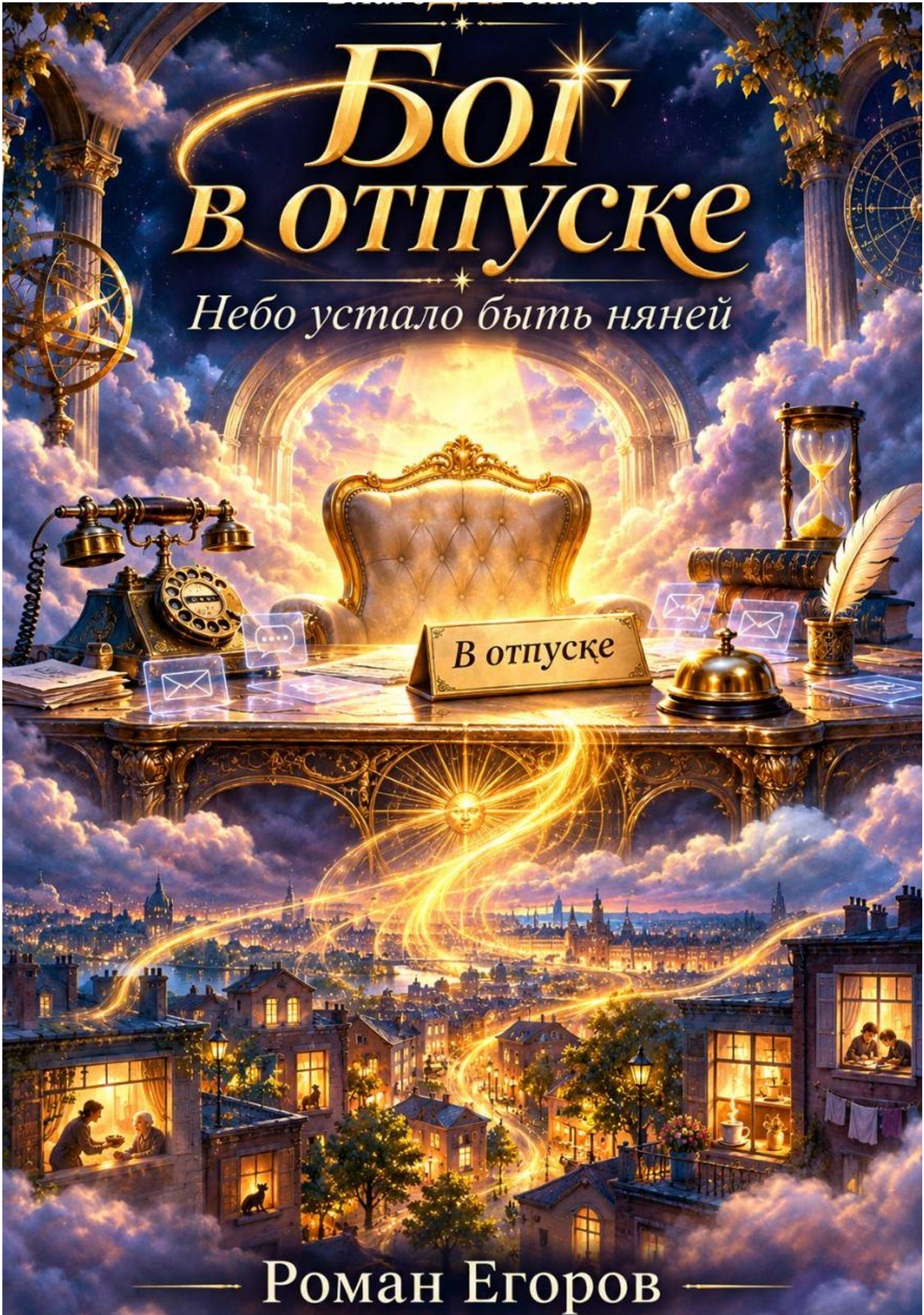
Бог в отпуске

Небо устало быть няней

Роман Егоров

Роман Егоров

Бог в отпуске

«Автор»
2026

Егоров Р.

Бог в отпуске / Р. Егоров — «Автор», 2026

Небо устало быть няней. Когда человек слишком долго просит небо жить за него, небо однажды ласково замолкает.Когда Бог объявляет отпуск, человечество сначала паникует, потом создаёт комиссии, марафоны, приложения и жалобную книгу к небу. Но мир почему-то не рушится: дети смеются, матери варят суп, врачи пытаются лечить чужую боль, а обычные люди продолжают проходить мимо Бога, потому что Он выглядит слишком просто. «Бог в отпуске» — дерзкая ироничная притча о том, как небо перестало быть няней, чтобы человек наконец вышел из отпуска от собственной души.С любовью и благоДАРностью!

© Егоров Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Заявление об отпуске 6
Глава 1. Последняя молитва по инструкции 11
Глава 2. Небесная служба поддержки недоступна 17
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Роман Егоров
Бог в отпуске

БлагоДАРение

«Бог в отпуске»

Небо устало быть няней

Когда человек слишком долго просит Небо жить за него, Небо однажды ласково замолкает.

Пролог. Заявление об отпуске

Сначала никто, разумеется, не поверил. Человечество вообще редко верит в очевидное с первого раза, особенно если очевидное мешает привычному расписанию страданий, молитв, обвинений и вечерних новостей. Люди охотно верят в прогнозы экспертов, в секретные договоры рептилоидов, в гороскоп на неделю, в скидку до конца дня и в то, что ещё один курс личностного роста наконец откроет им доступ к жизни без последствий, но сообщение от Бога сочли подозрительным. Слишком короткое, слишком ясное, слишком без рекламы. В нём не было ни грома, ни сияющих букв на небе, ни ангельской рассылки с золотой печатью, ни обязательного предупреждения о том, что пользовательское соглашение бытия изменилось. Просто утром, в самое неподходящее для вечности время, когда люди заваривали кофе, проклинали будильники, листали новости и пытались вспомнить, зачем именно им снова вставать в эту странную экспедицию под названием «моя жизнь», на всех экранах мира появилось одно и то же сообщение.

Оно возникло на телефонах, телевизорах, рекламных щитах, банковских терминалах, электронных табло аэропортов, детских планшетах, умных холодильниках и даже на старом кнопочном телефоне пенсионера Семёна Петровича, который последние семь лет уверял всех, что никакой интернет в его аппарат проникнуть не может, потому что он, Семён Петрович, человек советской закалки и духовной кибербезопасности. Текст был написан на языке каждого читавшего, без ошибок, без угроз, без обещаний и без той торжественной тяжести, которой люди обычно украшают всё, что сами же потом перестают понимать. Бог сообщал, что уходит в отпуск.

Первые пять минут мир молчал. Это было редкое, почти неприличное состояние для цивилизации, привыкшей комментировать даже собственное падение с лестницы ещё до того, как тело успело долететь до последней ступеньки. Затем мир начал делать то, что умел лучше всего: объяснять непонятное тем, что уже давно было заготовлено в голове. Одни сказали, что это хакерская атака. Другие, что это великий знак. Третьи немедленно собрали экстренный эфир и, ещё не дочитав сообщение до конца, уже продавали зрителям уверенность в рассрочку. Четвёртые обрадовались, потому что любой конец света даёт прекрасную возможность почувствовать себя посвящённым. Пятые начали спорить о подлинности шрифта. Шестые потребовали независимой экспертизы, желательно такой, которая подтвердит их прежние убеждения. А самые практичные люди сразу спросили, будет ли теперь работать страхование жизни, если высшая инстанция временно недоступна.

В религиозных центрах началась суета, которую официально назвали молитвенной мобилизацией. Высокие чины совещались с лицами, на которых было написано благочестие, тревога и лёгкое раздражение служебным нарушением вертикали. Бог, как выяснилось, допустил организационную дерзость: принял решение без согласования с теми, кто много веков объяснял людям, что именно Он имел в виду. В некоторых храмах усилили службы, в некоторых — охрану, а в некоторых осторожно проверили бухгалтерию, потому что если Бог действительно ушёл в отпуск, то вопросы могут начать задавать уже не наверху, а снизу, и это всегда неприятнее.

Эзотерический рынок отреагировал быстрее всех. Уже к обеду появились интенсивы «Верни Бога за семь дыханий», марафоны «Божественная связь без посредников», закрытые клубы для тех, кто хотел получить эксклюзивный доступ к резервному каналу Творца, и срочная диагностика кармы по фотографии сообщения. Один популярный мастер уверенно заявил, что Бог ушёл из-за низких вибраций человечества, но лично он, мастер, может помочь поднять частоту до уровня, на котором отпуск Бога будет проходить в режиме онлайн-консультаций.

Стоимость участия зависела от глубины страдания, а глубина, как обычно, определялась платежеспособностью.

Учёные вели себя достойно. Они собрались, нахмурились, составили комиссию, дали осторожные комментарии и признали, что факт массового появления идентичного сообщения на устройствах, включая отключённые от сети, требует дальнейшего изучения. Один профессор, устало поправив очки, сказал в прямом эфире, что наука не располагает достаточными данными для утверждения о Боге, но располагает достаточными данными для утверждения о том, что человечество в очередной раз впало в коллективную истерику. За это его немедленно обвинили в бездуховности, духовности, масонстве, работе на спецслужбы и недостаточном уважении к чувствам тех, кто ещё утром не верил в Бога, но после Его отпуска почувствовал себя лично покинутым.

Политики, конечно, тоже не подвели. Одни выразили глубокую обеспокоенность. Другие заявили, что отпуск Бога стал следствием безответственной политики прежней администрации мироздания. Третьи пообещали вернуть духовную стабильность, укрепить небесно-земное партнёрство и создать рабочую группу по взаимодействию с вечностью. На следующий день в нескольких странах появились законопроекты о защите традиционного присутствия Бога в общественной жизни, хотя никто толком не мог объяснить, как именно защищать Того, Кто только что показал, что прекрасно умеет обходиться без пресс-секретаря.

А Бог молчал.

И вот это молчание оказалось самым страшным. Не сообщение, не отпуск, не возможный пересмотр космического регламента, а именно молчание после. Потому что люди привыкли к Богу по-разному, но почти всегда с одной маленькой, тщательно замаскированной выгодой. Одним Он был нужен как доказательство, что они правы. Другим — как надежда, что однажды за них всё решат. Третьим — как небесная дубинка для тех, кто им неприятен. Четвёртым — как тёплое одеяло перед лицом смерти. Пятым — как повод быть хорошими не из любви, а из страха перед отчётностью. Были, конечно, и те, кто любил Его без торговли, без условий и без религиозной бухгалтерии, но таких обычно трудно заметить: они редко кричат, почти ничего не продают и почему-то больше заняты живыми людьми, чем доказательством собственной избранности.

Сообщение было простым до опасности. Бог писал, что берёт отпуск от человеческих представлений о Себе. От вечных просьб отменить последствия, от требований срочно выдать смысл страданию, пока страдающий продолжает бережно подкармливать его своими привычками. От молитв, похожих на жалобы в управляющую компанию, где в графе «проблема» человек указывает «моя жизнь», а в графе «желаемое решение» пишет «заменить на удобную». От попыток прикрыть Его именем гордыню, страх, лень, ненависть, жадность, духовную торговлю и особенно ту тонкую форму самомнения, когда человек говорит «такова воля Божья» ровно в тот момент, когда ему просто выгодно не слышать чужую боль.

Бог не угрожал, и именно поэтому становилось неуютно. Угроза была бы понятнее. Человечество с угрозами на «ты», оно умеет строить вокруг них цивилизации, армии, философии, семейные сценарии и утренние планы. Угроза даёт роль: можно бояться, сопротивляться, объединяться, изображать героизм, требовать лидера и скидку на спасение. Но в этом сообщении не было ни кары, ни торга, ни обещания вернуться при условии хорошего поведения. В нём была такая взрослая тишина, что у многих впервые заболело именно там, где раньше удобно располагалась вера в то, что кто-то наверху обязан довести их жизнь до приличного состояния.

Ближе к вечеру люди начали проверять, работает ли мир. Это выглядело смешно и трогательно. Кто-то осторожно включал воду, словно ожидал, что без активного Бога кран выдаст философскую пустоту. Кто-то выглядывал в окно, проверяя, не остановилось ли солнце из-за отсутствия верховного надзора. Один мальчик спросил у матери, будет ли завтра школа, если Бог в отпуске, и мать, глядя на него с той особой усталой нежностью, которую знают все

родители, ответила, что школа, к сожалению, переживёт даже метафизический кризис. Пекари месили тесто, врачи принимали пациентов, водители ругались в пробках, кошки требовали корм с такой уверенностью, будто лично подписывали договор о продолжении творения. Мир держался подозрительно хорошо.

И это раздражало.

Если бы небо потемнело, моря вздыбились, горы заговорили басом, а ангелы начали срочную эвакуацию праведников по спискам, человечеству стало бы легче. Тогда всё было бы понятно: Бог ушёл, система рухнула, срочно ищем виноватых, назначаем комитет спасения, закупаем свечи, спорим о пророчествах и делаем вид, что всегда предупреждали. Но Земля продолжала вращаться с неприличным спокойствием. Трава росла. Сердца бились. Люди старели, влюблялись, врали, прощали, обнимали детей, завидовали соседям, спорили с зеркалом и забывали благодарить тех, кто был рядом. Ничего внешне не отменилось, и в этом была главная пощёчина человеческому самолюбию: оказалось, Бог вовсе не был тем диспетчером, которого люди себе придумали, сидящим у пульта бытия и ежесекундно регулирующим, чтобы у каждого эго была подходящая температура воздуха.

К ночи возникла новая паника, более глубокая. Если мир без привычного образа Бога продолжает жить, значит, либо Бога нет, либо люди всю жизнь неправильно понимали Его присутствие. Первый вариант радовал атеистов примерно три минуты, пока они не поняли, что отсутствие Бога не освобождает от смысла, а только убирает удобного собеседника для спора. Второй вариант пугал верующих, потому что пересмотр Бога почти всегда начинается с пересмотра себя, а это уже не богословие, а хирургия без наркоза. Человечеству предложили не катастрофу, а зрелость, и многие сочли это ударом ниже души.

Главный герой этой истории, человек по имени Григорий, прочитал сообщение в семь часов сорок две минуты утра, стоя на кухне в растянутой футболке и глядя в телефон с выражением лица человека, который хотел узнать погоду, а случайно получил уведомление от вечности. Григорий работал в технической поддержке крупного сервиса, где ежедневно помогал людям восстановить пароли, подключить устройства, найти кнопку, которую они пять минут назад уверенно называли пропавшей, и вынести тот особый вид человеческой ярости, который появляется, когда техника посмела отразить внутреннее состояние владельца.

Григорий, разумеется, не работал в небесной канцелярии, хотя после вчерашнего утра разница начала казаться чисто юридической. Его компания обслуживала огромную цифровую платформу, через которую люди платили счета, записывались к врачам, получали уведомления, покупали курсы, ставили онлайн-свечи, вели дневники благодарности, отслеживали сон, настроение, шаги, тревожность, калории, карму и прочие показатели, без которых современный человек уже не уверен, что существует достаточно убедительно. Именно через эту платформу, как и через тысячи других экранов, появилось заявление Бога, и пользователи сделали единственный вывод, достойный цивилизации интерфейса: если что-то пришло на экран, значит, у этого есть ответственный, а если есть ответственный, его нужно немедленно найти, нагрузить виной и попросить вернуть прежнюю версию мироздания. Он не был воинствующим безбожником, но и святой восторженности в нём не наблюдалось. К Богу Григорий относился примерно как к старому родственнику, о котором в семье говорят уважительно, но звонят в основном тогда, когда всё уже плохо.

Сообщение его не потрясло сразу. Сначала он подумал, что это вирус. Потом — что рекламная кампания какого-нибудь сериала. Потом — что мир окончательно потерял чувство меры, хотя, если честно, чувство меры мир потерял давно и теперь просто ходил без него, как без зонта под дождём, делая вид, что так и задумано. Григорий заварил кофе, открыл рабочий чат и увидел там сотни сообщений. Люди писали в поддержку, что у них «не работает Бог», «пропала связь с высшей силой», «молитвы уходят без статуса доставки», «после обновления

реальности исчезла функция гарантированного смысла». Один пользователь требовал вернуть прежнюю версию мироздания, потому что новая ему «интуитивно непонятна».

Григорий засмеялся. Сначала тихо, потом громче, а потом вдруг замолчал, потому что в этом абсурде было слишком много правды. Он вспомнил свои собственные обращения к Богу, редкие, неловкие, почти тайные, произнесённые не голосом, а внутренним сжатием. Вспомнил, как просил, чтобы всё обошлось, хотя сам прекрасно знал, где предал себя. Как хотел знака, когда боялся выбрать. Как торговался с Небом, обещая стать лучше, если жизнь на этот раз не предъявит счёт. Как обижался на тишину, хотя сам годами не слышал ничего, кроме собственного страха. И ему стало неприятно не от того, что Бог ушёл в отпуск, а от подозрения, что отпуск начался гораздо раньше, просто теперь об этом вежливо сообщили официально.

Весь день Григорий отвечал пользователям стандартными фразами, которые становились всё более метафизическими без его участия. «Попробуйте перезагрузить устройство» звучало как совет человечеству. «Проверьте подключение» внезапно касалось не роутера, а сердца. «Возможно, проблема на стороне пользователя» выглядело настолько богословски точно, что Григорий дважды стирал эту строку, чувствуя, как где-то внутри него смеётся кто-то очень древний и совершенно неприлично спокойный.

К вечеру он вышел на улицу. Город жил, как живут города в эпоху великих потрясений: спешил по делам, ругался, покупал хлеб, светился окнами, нёс в себе миллионы маленьких драм, каждая из которых для своего владельца казалась центральной главой вселенской истории. На остановке женщина с тяжёлыми сумками пыталась удержать пакет с апельсинами, и один апельсин выпал и покатился к ногам Григория. Он поднял его, протянул женщине, и она улыбнулась так просто, будто в мире ничего не случилось, кроме маленького возвращения круглого оранжевого солнца в чужую ладонь.

И тут Григорий вдруг подумал, что, возможно, Бог взял отпуск не от мира, а от шума, которым люди заслонили мир от самих себя. От постоянной необходимости быть объяснением, оправданием, судьёй, костылём, громоотводом, символом, знаменем, страшилкой, утешением, гарантией и последней кнопкой «отменить». Возможно, Бог устал не от людей, а от их привычки приносить Ему свою жизнь как сломанную вещь, требуя ремонта без участия владельца. Возможно, вся эта небесная пауза была не уходом, а жестом такой любви, на которую способен только Тот, Кто доверяет человеку больше, чем человек доверяет себе.

Дома Григорий снова открыл утреннее сообщение. Теперь оно казалось ему не объявлением, а зеркалом. В нём не было конца света, зато был конец одной удобной лжи. Люди веками говорили, что ищут Бога, хотя часто искали того, кто разрешит им не становиться живыми до конца. Они строили храмы, писали книги, спорили о догматах, уходили в практики, выходили из практик, открывали школы, закрывали сердца, проклинали врагов, благословляли своих и так увлеклись обслуживанием идеи Бога, что почти перестали замечать дыхание реальности, где Он, возможно, всё это время присутствовал без всякой должностной инструкции.

Григорий хотел помолиться, но впервые не нашёл подходящей просьбы. Просить вернуть всё как было казалось глупо, потому что «как было» внезапно стало выглядеть не порядком, а привычным беспорядком с религиозной подсветкой. Просить доказательств было поздно: день сам оказался доказательством, только не тем, которое можно предъявить в споре. Просить прощения хотелось, но он не понимал, за что именно, потому что список был слишком длинным и начинался не с грехов, а с отсутствия честности. Тогда он просто сел у окна и впервые за много лет позволил тишине быть тишиной, не превращая её в обвинение, знак, диагноз или повод срочно написать кому-нибудь, что с ним происходит что-то духовное.

Ночь опустилась на город мягко, без апокалиптических спецэффектов. Где-то плакал ребёнок, где-то смеялись подростки, где-то мужчина в одиночестве разогревал ужин, где-то женщина стирала сообщение, которое хотела отправить человеку, которого всё ещё любила,

где-то старик гладил собаку и благодарил жизнь без всякой формальной молитвы. Мир был полон Бога настолько, что для этого уже не требовалось отдельное уведомление.

А утром человечество проснулось во второй день отпуска Бога.

И именно тогда началась настоящая история.

Глава 1. Последняя молитва по инструкции

На второй день отпуска Бога человечество проснулось с тем странным чувством, с каким просыпается человек, который вечером решил начать новую жизнь, а утром обнаружил, что новая жизнь не пришла, старая тоже никуда не делась, зато будильник по-прежнему уверен в своей духовной миссии. Мир не рухнул, хотя многие накануне очень рассчитывали хотя бы на скромную трещину в небе, чтобы было что показать соседям, детям и подписчикам. Никакие архангелы не спустились с уточняющими документами, моря не начали кипеть от богословской неопределённости, горы не пересели с места на место, чтобы обозначить эпохальность момента, а птицы утром пели с таким легкомысленным равнодушием к метафизическому кризису, что несколько особенно чувствительных граждан сочли это провокацией природы.

Григорий проснулся раньше будильника, что само по себе уже было подозрительно. Обычно его тело относилось к пробуждению как к насилию над естественным правом человека лежать лицом в подушку и не участвовать в великом замысле до десяти утра. Но в этот раз сон отступил сам, будто кто-то внутри осторожно открыл дверь и сказал: «Ну что, герой технической поддержки, сегодня будем чинить мироздание или начнём с роутера?» Григорий полежал с закрытыми глазами, прислушиваясь к квартире. Холодильник урчал в углу, батарея щёлкала, сосед сверху двигал чем-то тяжёлым, возможно, мебелью, возможно, судьбой, а телефон на тумбочке лежал тихо, как маленький чёрный пророк, уже знающий слишком много.

Он взял его в руку и почти с надеждой проверил, не появилось ли новое сообщение от Бога. Может быть, ночное уточнение. Может быть, стандартное «в связи с большим количеством обращений время ожидания увеличено». Может быть, хотя бы автоматический ответ: «Ваше обращение важно для Нас, пожалуйста, оставайтесь на линии вечности». Но экран предложил только погоду, курс валют, скидку на пиццу и новость о том, что эксперты объяснили, как отпуск Бога повлияет на рынок недвижимости, семейные ценности и стоимость гречки. Григорий хмыкнул. Человечество могло сомневаться в Боге, но в способности экспертов объяснять что угодно за первые сутки сомнений не было никогда.

Рабочий чат уже кипел. Компания, где трудился Григорий, обслуживала миллионы пользователей, и теперь внезапно выяснилось, что техническая поддержка цифровых сервисов оказалась ближайшей земной родственницей небесной канцелярии. Люди писали туда не потому, что верили в компетентность операторов, а потому, что привыкли: если в жизни что-то не работает, нужно найти поле ввода и сообщить об этом кому-нибудь, кто обязан быть виноватым.

Техническая поддержка, конечно, не поддерживала Бога, что было бы слишком смело даже для компании, привыкшей обещать пользователям невозможное в течение трёх рабочих дней. Она поддерживала платформу, через которую Бог имел дерзость обратиться к людям без согласования с отделом пользовательского опыта, юридическим департаментом и специалистами по удержанию аудитории. Но современный человек давно привык: если реальность вошла через экран, значит, она обязана иметь чат, регламент ответа, номер обращения и кнопку «проблема не решена».

С утра в очереди обращений висели темы, от которых у Григория зачесалась душа. «После отпуска Бога не приходят знаки». «Молитва зависла на этапе отправки». «Требую восстановить доступ к благословению». «Почему моя просьба о повышении зарплаты не была обработана, если я вчера поставил свечку онлайн?» Один пользователь особенно возмущался тем, что раньше после молитвы ему хотя бы становилось легче, а теперь он чувствует только себя, и это, по его мнению, явно указывает на сбой в системе.

Григорий налил кофе, сел за ноутбук и вошёл в рабочий интерфейс. На экране возникла привычная панель заявок, но теперь она выглядела как иконостас эпохи цифрового отчаяния. Вместо святых — аватарки пользователей, вместо лампад — мигающие уведомления, вместо

исповеди — капслок, вместо покаяния — требование срочного возврата прежнего состояния жизни. Первая заявка была от женщины по имени Лариса, которая писала, что её сын не поступил туда, куда она просила Бога, хотя просьба была сформулирована чётко, без грамматических заблуждений и с приложенной фотографией ребёнка на фоне школы. «Я всё сделала правильно, — писала Лариса, — утром помолилась, вечером визуализировала, потом отпустила ситуацию, как учили на марафоне, но результата нет. Проверьте, пожалуйста, дошло ли обращение».

Григорий некоторое время смотрел на эту фразу и вдруг понял, что Лариса не смешная. То есть смешная, конечно, потому что взрослый человек, обращающийся в службу поддержки с просьбой проверить доставку молитвы, — это уже почти готовая фреска нового времени. Но за смешным стоял испуг. Лариса не хотела Бога. Она хотела гарантии, что если выполнить правильную последовательность духовных действий, реальность обязана выдать желаемый товар. Молитва в её понимании была не встречей с Вечностью, а бланком заказа, где в графе «смирение» ставится галочка только потому, что без неё система может отказать.

Он набрал ответ, стёр, снова набрал и снова стёр. Официальный шаблон предлагал написать: «Проверьте подключение к сети и повторите попытку позже». Вчера эта фраза уже казалась ему подозрительно глубокой, но сегодня она звучала как издевательство, причём издевательство с богословским образованием. Что значит «проверьте подключение»? К чему? К кому? К себе? К сыну, которого Лариса, возможно, любила так сильно, что давно перестала видеть в нём живого человека, превратив в проект материнского спасения? К Богу, Которого она пыталась уговорить стать членом приёмной комиссии? К жизни, которая имела дерзость идти не по утверждённому сценарию?

В итоге Григорий написал сухо, почти по инструкции, но пальцы почему-то сами добавили в конце: «Иногда отсутствие ожидаемого ответа не означает сбой. Возможно, запрос требует уточнения со стороны пользователя». Он посмотрел на эту фразу и почувствовал себя либо идиотом, либо пророком на минимальной ставке. Разница между ними, как он теперь подозревал, чаще всего состояла только в количестве подписчиков.

Следующая заявка пришла от мужчины, представившегося Аркадием, предпринимателем, наставником и «человеком, который сам себя сделал». Аркадий жаловался, что его конкурент выиграл тендер, хотя Аркадий заранее попросил Бога «расставить всё по справедливости». В приложении к обращению был длинный текст, где слово «справедливость» встречалось двадцать семь раз и всякий раз означало победу Аркадия. Григорий читал и улыбался всё шире. Человеческий ум обладал гениальной способностью называть высшей правдой тот вариант событий, в котором ему достаётся лучший кусок, причём делал это с такой искренностью, что даже кусок начинал чувствовать себя избранным.

Аркадий, судя по письму, не сомневался в собственной духовной чистоте. Он не просил богатства, нет, он просил восстановления космического равновесия, которое по какой-то досадной случайности совпадало с подписанием выгодного контракта. Он уверял, что конкурент человек «низких вибраций», а значит, победа такого субъекта является вызовом Вселенной, деловой этике и лично Аркадию, что, возможно, для него было примерно одним и тем же. В конце он требовал предоставить официальный комментарий, почему Бог, находясь в отпуске, допускает подобные перекосы.

Григорий хотел ответить: «Потому что Бог в отпуске от вашего самомнения, Аркадий», но корпоративная этика, этот последний оплот цивилизованного лицемерия, мягко положила руку ему на плечо. Вместо этого он написал, что служба поддержки не имеет доступа к данным высшего промысла, а вопросы конкуренции рекомендуется решать в рамках земного законодательства и внутренней честности. Последние два слова он добавил из вредности. Ему вдруг понравилось подсовывать людям внутреннюю честность там, где они просили техническую инструкцию.

К полудню заявок стало так много, что руководство провело срочное совещание. Начальник отдела, человек по имени Вадим Сергеевич, обладал тем редким талантом говорить о катастрофе так, будто она является частью квартального плана. Он появился на экране видеосвязи в идеально выглаженной рубашке, с чашкой чая и выражением управленческого спокойствия, которое обычно возникает у людей, уже мысленно переложивших ответственность на подчинённых.

«Коллеги, ситуация нестандартная, — сказал он, и все сразу поняли, что ситуация ужасная. — Мы не даём религиозных комментариев, не подтверждаем и не опровергаем метафизические события, не вступаем в богословские дискуссии, не обещаем пользователям восстановления Бога и ни при каких обстоятельствах не используем фразу “проблема на вашей стороне”, даже если очень хочется».

Григорий сделал глоток кофе и едва не поперхнулся, потому что именно эту фразу, казалось, вчера прошептала сама вселенная, только без корпоративного запрета. Вадим Сергеевич продолжал: «Для всех обращений, связанных с отпуском Бога, используем новый шаблон. Сейчас отправлю». Через секунду в чате появился текст: «Здравствуйте. Мы понимаем ваше беспокойство. Наша команда внимательно следит за ситуацией. На данный момент сервисы работают в штатном режиме. Рекомендуем сохранять спокойствие и регулярно обновлять приложение».

Григорий прочитал шаблон три раза. В нём было всё, что человечество умело говорить в моменты духовной растерянности: мы понимаем, мы следим, всё штатно, обновитесь. В этом была почти великая религия современности. Бог ушёл в отпуск, а человеку предложили перезагрузить приложение. Может быть, подумал Григорий, если достаточно долго обновлять экран, однажды там появится не уведомление, а совесть. Правда, совесть обычно приходит без push-уведомления и потому пользуется низкой популярностью.

После совещания он вышел на кухню и обнаружил там свою соседку по квартире, Ингу, которая арендовала вторую комнату и работала тарологом, консультантом по родовым сценариям, проводником женской силы и, по её собственному выражению, «человеком между мирами». Между мирами она обычно находилась в халате, с бутербродом и телефоном, записывая голосовые сообщения клиенткам о необходимости срочно выйти из дефицита. Инга была умна, красива и совершенно невыносима в те минуты, когда начинала говорить голосом Вселенной, особенно если Вселенная перед этим не помыла за собой чашку.

«Ты видел?» — спросила она, хотя было очевидно, что видел, потому что не увидеть отпуск Бога теперь мог только человек, уже давно находящийся в отпуске от реальности. «Видел», — ответил Григорий. Инга сделала серьёзные глаза, те самые, которые она надевала как маску перед онлайн-консультациями, когда собиралась сообщить человеку, что его беды начались в третьем колене, но за дополнительную оплату их можно проводить к свету. «Я сразу почувствовала, что это не уход, — сказала она. — Это коллективная проверка на вибрационную зрелость». Григорий кивнул. Он уже знал, что всё непонятное в мире рано или поздно становится проверкой на вибрационную зрелость, особенно если его можно включить в программу нового курса.

«И что теперь?» — спросил он. Инга оживилась. «Теперь нужно молиться правильно. Люди просто не умеют. Они просят из дефицита, из страха, из контроля. А надо из изобилия, из доверия, из раскрытого сердечного поля». «А если человек просит из раскрытого сердечного поля, чтобы его бывшая пожалела, что ушла?» — уточнил Григорий. Инга посмотрела на него с сожалением, как смотрят на непосвящённых, которые всё ещё думают, что духовность обязана выдерживать проверку здравым смыслом. «Зависит от формулировки», — сказала она. И в этот момент Григорий понял, что первая глава нового человечества будет называться не «Апокалипсис», а «Инструкция по применению Бога».

Инга, вдохновившись, начала рассказывать ему о правильной молитве. Оказывается, нельзя просить прямо, потому что это контроль. Нельзя не просить, потому что это блок на принятие. Нельзя сомневаться, потому что это снижает поток. Нельзя быть слишком уверенным, потому что это гордыня. Нужно хотеть, но отпустить. Отпустить, но держать намерение. Держать намерение, но не цепляться. Не цепляться, но ежедневно визуализировать. Визуализировать, но без ожидания. Не ожидать, но замечать знаки. Знаки трактовать сердцем, но проверять у специалиста, потому что сердце у неподготовленного человека может быть загрязнено родовыми программами. К концу этого объяснения Григорий почувствовал, что Бог, возможно, ушёл в отпуск не от человечества вообще, а персонально от инструкций к Себе.

Он вернулся за ноутбук с ясным подозрением, что люди веками не столько молились, сколько пытались подобрать пароль к реальности. У каждого был свой набор символов: свеча, пост, обещание, пожертвование, правильная фраза, нужная поза, особое дыхание, древнее слово, купленное на семинаре, где древность измерялась стоимостью участия. Человек верил, что если собрать комбинацию точно, жизнь обязана открыться. А если не открылась, значит, где-то допущено заблуждение в ритуале, недостаточно веры, не тот наставник, не та фаза луны или Бог, как теперь выяснилось, просто решил взять отпуск в самый неудобный момент.

К вечеру Григорию позвонила мать. Она редко звонила без повода, потому что считала, что взрослый сын должен жить самостоятельно, но при этом регулярно проверяла, достаточно ли самостоятельно он живёт по её мнению. В её голосе была тревога, тщательно замаскированная бытовыми вопросами. Сначала она спросила, ел ли он суп. Потом — тепло ли одет. Потом — слышал ли он «это всё про Бога». Григорий ответил, что слышал, видел, читал и частично обрабатывал как пользовательские обращения. Мать помолчала, а затем сказала: «Ты бы помолился, Гриша».

Он чуть не рассмеялся, но сдержался. В материнском «помолился бы» было что-то очень родное, почти детское. Для неё молитва была не богословием и не техникой. Скорее, тёплым вниманием, которое она направляла в сторону сына, когда не могла обнять его руками. «О чём?» — спросил он мягче, чем собирался. «Ну как о чём? Чтобы всё было хорошо». И вот эта фраза внезапно попала в него сильнее всех утренних заявок. Чтобы всё было хорошо. Великая молитва человечества, короткая, неуклюжая, бесконечно трогательная и совершенно расплывчатая. Хорошо кому? Как именно? За чей счёт? С какими последствиями? До какой глубины? На какой срок? Человеческое «хорошо» часто означало «пусть жизнь перестанет задавать мне вопросы», но в голосе матери оно звучало иначе. Там не было торговли, там была любовь, которая не умеет управлять миром и потому хотя бы просит его быть милосердным.

После разговора Григорий долго сидел без движения. Он вдруг понял, что молитвы бывают разными не по форме, а по внутреннему запаху. Одни пахнут страхом, другие выгодой, третьи гордыней, четвёртые детской беспомощностью, пятую разновидность особенно любили благочестивые люди: молитва с ароматом морального превосходства, когда человек вроде бы обращается к Богу, но так громко, чтобы соседям тоже стало понятно, кто тут ближе к вечности. А есть молитва, в которой человек ничего не изображает. Она может быть кривой, неумной, косноязычной, произнесённой на кухне между котлетой и усталостью, но в ней нет попытки использовать Бога как рычаг. В ней просто сердце протягивает руку туда, где не умеет ничего доказывать.

И именно тогда Григорий решил помолиться.

Он даже почувствовал лёгкую неловкость, словно собирался сделать что-то интимное при включённой веб-камере. В квартире было тихо. Инга за стеной записывала кому-то сообщение о том, что Вселенная сейчас особенно внимательно смотрит на женские намерения, холодильник продолжал свою низкую песню материи, за окном проехала машина, и где-то вдалеке собака выразила миру несогласие с невидимым событием. Григорий сел на край кровати, сложил руки, потом разложил, потому что поза показалась ему театральной, потом снова сложил,

потому что без позы он чувствовал себя ещё глупее. Человек, выросший среди инструкций, даже к искренности подходит с вопросом, куда деть руки.

«Господи», — начал он и остановился. Слово оказалось тяжёлым, как старый ключ от двери, которую он много лет считал декоративной. Он не знал, к кому обращается. К Богу из детства, где бабушка шептала молитву перед иконой? К философскому Источнику, о котором говорили умные книги? К пустоте, которая почему-то не была пустой? К тому, кто вчера написал человечеству странное уведомление? Или к той части себя, которая всё это время ждала, когда Григорий перестанет умничать и наконец признает, что ему страшно?

Он хотел попросить, чтобы всё наладилось. Очень хотел. Чтобы Бог вернулся, чтобы мир перестал сходить с ума, чтобы работа не превратилась окончательно в приёмную метафизических жалоб, чтобы мать не тревожилась, чтобы он сам понял, зачем живёт, желательно без болезненных процессов, длительной внутренней работы и прочих неудобств взросления. Он хотел попросить нормальную человеческую вещь: пусть станет легче. Но после вчерашнего сообщения эта просьба уже не проходила без внутренней проверки. Легче — это как? Чтобы исчезла тревога или чтобы он научился не прятаться от неё? Чтобы жизнь стала удобнее или чтобы он перестал требовать от жизни обслуживания своих привычек? Чтобы Бог вернулся на место или чтобы Григорий впервые занял своё?

Он сидел и молчал. Молитва по инструкции не получалась. В голове всплывали фразы, которые он слышал в детстве, в фильмах, в храмах, в разговорах с разными людьми, но каждая казалась чужой одеждой, причём иногда дорогой, красивой, вышитой золотом, но всё равно не его. Он понял, что больше всего боится не отсутствия Бога, а собственного голоса без заученного текста. Ведь пока человек повторяет правильные слова, он может спрятаться за традицию, стиль, авторитет, древность и благозвучие. А когда слова заканчиваются, наружу выходит тот, кто всё это время жил под ними, слегка помятый, недоверчивый, уставший и удивительно живой.

Григорий попытался начать иначе. «Я не знаю, что сказать», — произнёс он тихо. И эта фраза вдруг оказалась честнее всех молитв, которые он помнил. В ней не было красоты, зато была дверь. «Я не знаю, как правильно. Я не знаю, где Ты. Я не знаю, ушёл Ты или просто перестал быть тем, кого мы выдумали, чтобы не так страшно было смотреть на себя. Я вообще мало что знаю, хотя часто делаю вид, что понимаю больше, чем на самом деле. Мне страшно. И смешно. И стыдно. И почему-то легче от того, что я наконец не пытаюсь оформить это как духовный опыт».

Он замолчал и неожиданно улыбнулся. Не просветлённо, не благостно, не так, как улыбаются люди на рекламных фотографиях ретритов, где все будто только что простили родителей, тело, деньги и мировую историю. Он улыбнулся криво, по-человечески. Ему стало смешно оттого, что первая настоящая молитва в его жизни больше похожа на сбой служебного скрипта, чем на разговор с небом. Он, оператор поддержки, сидел на кровати и не мог составить обращение без лишних данных, без приложенного скриншота проблемы и без выбора категории запроса. Категория «моя жизнь» отсутствовала. Категория «я запутался» отсутствовала. Категория «я хочу, чтобы кто-нибудь сверху подтвердил, что я хороший, даже если сам себе не верю» тем более отсутствовала, хотя, по-хорошему, именно она должна была быть самой популярной.

И тут он понял, что вся старая молитва человечества очень часто была попыткой пройти мимо этой простоты. Люди говорили много красивого, потому что боялись сказать главное. Они просили мира, но не хотели мириться с соседями. Просили любви, но не хотели выпускать контроль из рук. Просили истины, но заранее уточняли, чтобы она не испортила им самооценку. Просили знаков, но пропускали живых людей, через которых жизнь уже давно стучала в их закрытую комнату. Просили Бога вмешаться, потому что собственное участие казалось

слишком рискованным. И особенно часто просили прощения так, будто это способ избежать изменения, а не вход в него.

На следующее утро Григорий обнаружил в системе новую категорию обращений. Она появилась сама, без обновления, без приказа руководства и без объяснения разработчиков. Категория называлась «Молитвы по инструкции». Внутри уже висели тысячи заявок. Люди присылали шаблоны, спрашивали, какие слова теперь считаются рабочими, можно ли обращаться к Богу во время Его отпуска, засчитываются ли старые заслуги, нужно ли менять порядок ритуала, действует ли гарантия на обещания, данные в состоянии ужаса, и возможен ли перенос благословения на другое лицо при сохранении бонусов.

Одна заявка особенно привлекла его внимание. Она была короткой. Пользователь с именем «Никто» написал: «Я всю жизнь молился правильно, но, кажется, ни разу не был честен. Что теперь делать?» Григорий долго смотрел на эту строку. В ней не было капслока, обвинений, требований, духовной важности и приложенных доказательств собственной правоты. Только маленькая трещина, через которую, возможно, впервые проникал воздух.

Он начал печатать ответ и вдруг понял, что пишет не пользователю. Вернее, не только пользователю. Он писал Ларисе, Аркадию, Инге, матери, Вадиму Сергеевичу, себе, всему этому шумному, испуганному, смешному человечеству, которое вчера потеряло Бога как функцию и теперь стояло перед возможностью обнаружить Бога как присутствие. Он написал: «Начните с того места, где закончилась инструкция». Потом подумал и добавил: «Обычно там и начинается молитва».

Он отправил ответ, и система впервые за два дня не выдала ни ошибки, ни уведомления, ни технического предупреждения. Просто заявка закрылась. На экране осталось пустое место, похожее на маленькое окно.

Григорий откинулся на спинку кресла. За окном светлело. Где-то в городе тысячи людей продолжали искать правильную формулу, чтобы вернуть себе прежнюю версию Бога, удобную, понятную, предсказуемую, желательно с быстрыми ответами и дружелюбным интерфейсом. Кто-то уже составлял новые молитвенники, кто-то обвинял врагов в падении небесной связи, кто-то продавал доступ к закрытым практикам восстановления контакта, кто-то писал разоблачения, кто-то плакал на кухне, кто-то впервые молчал без обиды. Мир, как всегда, был одновременно смешон и свят, нелеп и прекрасен, труслив и бесконечно достоин любви.

А Бог, судя по всему, продолжал отпуск.

Но теперь Григорий начинал подозревать, что этот отпуск устроен не для отдыха Бога, а для отдыха человека от собственного шума. Чтобы однажды, устав от инструкций, претензий, духовных технологий и бесконечного торга с Небом, он сел где-нибудь на краю кровати, кухни, больничного коридора, остановки или собственной судьбы и произнёс не правильные слова, а живые. Может быть, кривые. Может быть, смешные. Может быть, совсем не похожие на молитву. Но такие, после которых уже невозможно вернуться в старую игру, где Бог был нужен прежде всего для того, чтобы человек мог продолжать отсутствовать в собственной жизни.

Григорий допил остывший кофе, посмотрел на очередь заявок и неожиданно почувствовал почти нежность. Перед ним был не поток жалоб, а огромное, растерянное, ещё неуклюжее человечество, которое впервые пыталось молиться без инструкции и, разумеется, первым делом потребовало инструкцию к отсутствию инструкции. Это было так по-человечески, что где-то внутри, в самой тихой части его существа, словно кто-то улыбнулся.

Он открыл следующую заявку.

Пользователь спрашивал, можно ли считать отпуск Бога уважительной причиной для опоздания на работу.

Григорий засмеялся и начал отвечать.

Глава 2. Небесная служба поддержки недоступна

К третьему дню отпуска Бога человечество вошло в то состояние, которое в официальных отчётах обычно называют «периодом адаптации», хотя честнее было бы писать: «все делают вид, что контролируют ситуацию, но у каждого внутри бегает маленький испуганный бухгалтер с папкой “срочно”». Первый шок прошёл, красивые слова закончились, экстренные эфиры устали от собственной торжественности, а мир, вопреки ожиданиям любителей апокалиптической драматургии, продолжал неприлично нормально функционировать. Утром включались кофемашины, дети требовали мультики, начальники требовали отчёты, лифты застревали между этажами с той древней философской настойчивостью, которая лучше любых проповедей напоминает человеку о границах его власти, и только в воздухе висело новое электричество: если Бог в отпуске, то кто теперь будет разбирать человеческие претензии к реальности?

Ответ нашёлся быстро, потому что современная цивилизация вообще не любит оставлять претензии без адресата. Если нет Бога под рукой, подойдёт поддержка. Если поддержка утверждает, что занимается платформой, а не устройством мироздания, значит, она уклоняется от ответственности. Если оператор пишет, что не обладает полномочиями высшей инстанции, значит, плохо обучен. Если заявка закрыта, значит, скрывают правду. Это была прекрасная, почти совершенная логика эпохи, в которой человек давно разучился отличать отсутствие ответа от оскорбления, тишину от пренебрежения, а собственную растерянность от доказательства чьей-то вины.

Григорий пришёл к рабочему ноутбуку с кружкой кофе и внутренней осторожностью сапёра, которому сообщили, что сегодня его ждёт не минное поле, а просто обычный понедельник, но забыли уточнить, что понедельник заминирован целиком. Система открылась медленнее обычного, словно тоже не хотела участвовать в духовном взрослении человечества без предварительной премии. На главной панели горело число входящих обращений, которое сначала показалось Григорию техническим заблуждением, потом статистической галлюцинацией, а затем стало частью его новой реальности. Заявок было столько, что интерфейс выглядел не как рабочее место оператора, а как цифровое чистилище, где души пользователей ожидают ответа специалиста первой линии.

Компания ночью выпустила официальное заявление. Оно было длинным, гладким, юридически стерильным и настолько лишённым жизни, что могло бы пережить конец времён без единой эмоциональной царапины. В нём говорилось, что платформа «Сфера» продолжает работу в штатном режиме, не является источником метафизических сообщений, не несёт ответственности за интерпретацию событий сверхъестественного, теологического, символического, экзистенциального и иного характера, а также не предоставляет консультаций по вопросам спасения, проклятия, благословения, кармы, посмертной участи, духовного предназначения, возвращения Бога из отпуска и перерасчёта судьбы. В конце заявления пользователям рекомендовалось обращаться к профильным специалистам, сохранять спокойствие и обновить приложение до последней версии.

Григорий читал это заявление и чувствовал почти нежность к корпоративному языку. Он был, в сущности, последним убежищем человечества перед лицом тайны. Там, где древние падали на землю, пророки уходили в пустыню, мистики молчали, а поэты начинали портить бумагу, современная организация выпускала текст на четыре страницы с пунктами, подпунктами и фразой «не является публичной офертой». Бог взял отпуск, а юридический отдел аккуратно накрыл событие тканью формулировок, чтобы оно не испачкало репутацию бренда.

Рабочий чат жил своей отдельной катастрофой. Вадим Сергеевич прислал голосовое сообщение на семь минут, хотя всем было известно, что голосовые сообщения длиннее минуты

являются скрытой формой агрессии. Он просил команду сохранять профессионализм, избегать личных суждений, не вступать в дискуссии о природе Бога и особенно не шутить в переписке с пользователями, потому что шутка, попавшая в интернет, перестаёт быть шуткой и начинает карьеру доказательства. Потом он добавил, что руководство понимает нагрузку, ценит вклад сотрудников и работает над возможностью психологической поддержки. Григорий представил себе психолога, который будет поддерживать операторов, поддерживающих пользователей, требующих поддержки по поводу отсутствия небесной поддержки, и почувствовал, что мир наконец достиг архитектурной полноты абсурда.

Первая заявка сегодняшнего дня была от человека с ником «Праведник_77». Он писал, что вчера три часа стоял на коленях, подробно перечислил Богу грехи соседей, приложил к молитве доказательства их нравственного падения в виде скриншотов переписки домового чата и теперь требует объяснить, почему соседи по-прежнему живы, здоровы и даже заказали пиццу. В конце обращения он вежливо спрашивал, будет ли после возвращения Бога произведён перерасчёт наказаний за период отпуска, чтобы никто не избежал справедливости по техническим причинам.

Григорий потёр переносицу. В нём снова просыпался оператор-пророк на минимальной ставке, которого корпоративная этика держала за воротник. Ему хотелось написать, что человек, начинающий молитву с бухгалтерии чужих грехов, обычно просто не хочет открывать собственную папку, потому что там тоже много интересного, но он ограничился шаблоном о том, что платформа не оказывает услуг по духовному аудиту третьих лиц. Потом подумал и добавил почти незаметно: «Рекомендуем использовать раздел обратной связи для вопросов, касающихся вашей учётной записи». Это была маленькая месть, аккуратная и почти благочестивая. Пусть Праведник_77 хотя бы на секунду задумается, что его учётная запись в мироздании, возможно, требует большего внимания, чем соседская пицца.

Следом пришла заявка от женщины, которая требовала вернуть ей доступ к «прежнему Богу». Она писала, что новый режим взаимодействия ей не подходит, потому что раньше она чувствовала поддержку, когда всё складывалось по её плану, а теперь вынуждена сталкиваться с внутренней пустотой, неуверенностью и бывшим мужем без ощущения высшей санкции на собственную обиду. «Я не давала согласия на такие изменения», — завершала она письмо. Григорий долго смотрел на эту фразу. В ней была вся боль цивилизации пользовательских соглашений: человек привык нажимать «принять», не читая, а потом искренне удивляться, что жизнь тоже имеет условия, последствия и мелкий шрифт, написанный не юристами, а самой тканью бытия.

Около одиннадцати утра в системе появилось обращение от крупной религиозной организации. Письмо было официальным, вежливым и холодным, как мраморный пол в здании, где люди давно научились говорить о любви с интонацией налоговой проверки. Организация требовала предоставить технические данные о канале распространения сообщения Бога, сведения о возможных уязвимостях платформы, лог-файлы, подтверждение отсутствия подмены текста и список сотрудников, имевших доступ к инфраструктуре уведомлений. Между строк читалось главное: если Бог теперь напрямую сообщает людям то, что хочет сообщить, минуя согласованные веками инстанции, то это создаёт опасный прецедент, а опасные прецеденты, как известно, нужно либо канонизировать задним числом, либо объявить сомнительными до завершения внутренней проверки.

Григорий передал письмо в юридический отдел и на секунду представил, как где-то там, в небесной тишине, Бог наблюдает за тем, как люди пытаются запросить лог-файлы Его обращения. Возможно, именно ради таких моментов стоило создавать свободу воли. Не из-за великих подвигов, не из-за любви, не из-за искусства, а хотя бы ради возможности увидеть, как человечество, получив уведомление от вечности, первым делом просит технический отчёт и акт выполненных работ.

К полудню стало ясно, что земные структуры начали самоорганизацию. В новостях сообщали о создании межконфессионального совета по вопросам отпуска Бога, комиссии по предотвращению духовной паники, ассоциации независимых толкователей небесного молчания и международного форума «Бог в отпуске: вызовы, риски, возможности». Последнее особенно понравилось Григорию. Слово «возможности» рядом с отпуском Бога звучало как знак окончательной коммерческой зрелости человечества. Где один человек видит тайну, другой уже видит нишу.

Эзотерическая часть мира, впрочем, не отставала. Инга с утра провела прямой эфир под названием «Почему отпуск Бога — это ваш шанс выйти на новый уровень изобилия». Она сидела на фоне свечей, кристаллов и занавески, которая при правильном освещении выглядела как портал, а при неправильном — как занавеска. Григорий слышал из-за стены обрывки её речи: «энергетический контракт», «перепрошивка доверия», «божественный детокс», «старые молитвенные сценарии больше не работают», «необходимо отпустить образ Бога-спасателя и активировать внутреннего творца через мой закрытый практикум». Он невольно восхитился: Бог ушёл в отпуск всего три дня назад, а у людей уже появились программы адаптации к Его отсутствию с ранним бронированием.

Инга была не глупой, и именно это делало её особенно интересной. В её словах попадались настоящие смыслы, но они были упакованы так, что смыслу приходилось платить аренду маркетингу. Она действительно чувствовала, что человечеству пора перестать просить внешнего спасения и включить внутреннюю честность, но рядом с этой честностью тут же вставал прайс, расписание потоков, бонусный вебинар и заботливая кнопка «оплатить сейчас, пока энергия открыта». Григорий слушал и думал, что духовный рынок похож на человека, который нашёл родник, набрал воды, разбавил её сиропом, наклеил этикетку «древняя живая влага» и теперь искренне считает себя служителем источника.

После обеда руководитель прислал всем операторам новый набор шаблонов. Там были ответы на типовые вопросы: «Нет, мы не знаем дату окончания отпуска Бога», «Нет, отпуск Бога не является основанием для отмены подписки», «Нет, мы не можем передать ваше обращение напрямую Творцу», «Нет, мы не подтверждаем существование скрытой очереди для премиум-пользователей», «Да, все ранее оплаченные услуги платформы продолжают предоставляться согласно условиям договора». Григорий дошёл до последнего шаблона и тихо рассмеялся. Премиум-очередь к Богу. Вот чего, оказывается, человечеству не хватало для полного раскрытия духовного потенциала: небесного тарифа с приоритетной обработкой молитв, расширенным пакетом прощения и семейным доступом к благословению.

Звонок поступил неожиданно. Обычно Григорий работал в чате, но из-за нагрузки часть обращений переводили в голосовой режим, и система сама назначала операторов. На экране появилось имя: «Марина Павловна». Он надел гарнитуру и произнёс стандартное приветствие, которое после отпуска Бога звучало особенно странно: «Здравствуйте, служба поддержки, меня зовут Григорий, чем могу помочь?» На другом конце молчали. Потом женщина тихо спросила: «Скажите, а если я всю жизнь верила неправильно, это теперь считается?» Григорий замер. Он ожидал крика, претензии, требования вернуть кнопку, но не этого усталого голоса, в котором было больше правды, чем во всех официальных заявлениях дня.

Марина Павловна говорила медленно. Ей было шестьдесят три. Она всю жизнь молилась, ходила в храм, соблюдала правила, боялась ошибиться, боялась прогневить, боялась не так подумать, не так сказать, не так одеться, не так поститься, не так радоваться. Бог для неё был великой любовью, но почему-то эта любовь всё время пахла проверкой. Она старалась быть хорошей, удобной для Неба, незаметной для судьбы, терпеливой для близких, строгой к себе и снисходительной ко всем, кто этим пользовался. А теперь, после сообщения об отпуске, в ней впервые возникла ужасная мысль: может быть, она боялась Бога больше, чем любила Его,

и называла этот страх верой, потому что так было принято, понятно и не требовало разговора с самой собой.

Григорий слушал и не открывал шаблон. Впервые за весь день ему стало неловко от самой идеи готового ответа. Что можно сказать человеку, который обнаружил, что прожил жизнь не совсем там, где думал? «Обновите приложение»? «Проверьте соединение»? «Ваше обращение важно для нас»? Эти фразы, ещё утром смешные, теперь показались мелкими бумажными зонтиками под настоящим дождём. Марина Павловна не требовала компенсации. Она не просила вернуть Бога на место, не обвиняла соседей, не искала секретный канал. Она спрашивала, как человек спрашивает у темноты: если всё, на что я опиралась, было смешано со страхом, значит ли это, что любовь тоже была ненастоящей?

Григорий долго молчал, и это молчание, как ни странно, не было неловким. Потом сказал: «Я не думаю, что живое обнуляется из-за страха». Фраза прозвучала слишком просто, почти непрофессионально, и он испугался, что нарушил инструкции. Но Марина Павловна тихо выдохнула. Он продолжил, уже не как оператор, а как человек, который сам вчера сидел на кровати и не знал, куда деть руки: «Может быть, сейчас не нужно решать, правильно вы верили или неправильно. Может быть, можно посмотреть, где в этой вере было живое. Где вы любили, а где только боялись. Где обращались к Богу, а где пытались заслужить право существовать. Мне кажется, отпуск Бога не отнимает настоящего. Он просто делает видимым всё, что мы прятали рядом с ним».

На линии стало тихо. Потом Марина Павловна сказала: «Вы священник?» Григорий посмотрел на свою растянутую домашнюю кофту, кружку с надписью «пользователь всегда неправ, но мы не можем это написать» и очередь заявок на экране. «Нет, — ответил он, — я техническая поддержка». Женщина вдруг засмеялась, мягко и почти девочкой. «Ну конечно, — сказала она, — теперь, наверное, так и надо». И отключилась.

Григорий снял гарнитуру. На экране заявка ожидала закрытия. В поле категории система предлагала выбрать один из вариантов: «техническая проблема», «вопрос по оплате», «сбой уведомлений», «другое». Он выбрал «другое», потому что категория «человеку впервые стало честно» пока не входила в корпоративную классификацию, хотя после последних событий ей следовало бы отдать отдельный раздел, желательно на главной странице.

После этого звонка весь шум дня изменился. Заявки продолжали поступать, но Григорий начал различать за ними не только комизм, а живые трещины. Человек, требующий восстановить доступ к благословению, возможно, просто боялся, что без невидимой защиты его жизнь развалится. Женщина, которая спрашивала, можно ли передать молитву по доверенности, возможно, не знала, как иначе помочь больному сыну. Мужчина, требующий наказать соседа, возможно, всю жизнь не умел признавать боль иначе, чем через желание возмездия. Даже Аркадий со своей справедливостью-тендером вдруг перестал быть просто карикатурой. Да, он был смешон, самодоволен и, вероятно, считал совесть устаревшим ограничением для людей без стратегического мышления, но под его напором тоже прятался страх: если жизнь не подтверждает мою значимость, кто я тогда без победы?

К вечеру в офисном канале началась новая волна. Пользователи стали массово жаловаться, что на их обращения о Боге приходят слишком «технические» ответы. Они требовали живого участия, духовной глубины, сочувствия, ясности, гарантий и, желательно, подтверждения, что именно их понимание ситуации является наиболее зрелым. Вадим Сергеевич срочно написал: «Коллеги, напоминаю, мы не оказываем духовной поддержки». Через минуту кто-то из операторов, забыв, что чат общий, ответил: «А кто оказывает?» Сообщение быстро удалили, но поздно. Все успели прочитать, и на несколько секунд в чате стало так тихо, будто туда заглянул не начальник, а смысл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.